

**Почему *терминоведение*, объявленное специальностью
XXI-го века в ЕС, выведено из научно-административного
обихода в России?**

Татаринов В.А. (Москва)

Вынесенный в название доклада вопрос весьма актуален в связи с очевидной необходимостью встраивания систем образования и науки в России в общемировой глобализационный процесс, причем действительно не на правах бедного родственника, а в качестве его равноправного участника и даже при очевидной возможности — в статусе мировой державы.

Смысл моего доклада заключается в том, что когда мы говорим о необходимости или притягательности успешного положения нашего отечества на мировой арене, мы чаще всего пытаемся говорить в первую очередь о создании финансовой основы того или иного предприятия. От постоянно звучащих и мелькающих миллиардов в СМИ рябит в глазах. И только изредка услышишь о морально-психологической составляющей каких-то престижных для страны проектов. Я не призываю к тому, чтобы продолжать эксплуатировать интеллектуально развитых ученых на бесплатном труде, но прошу обратить внимание на то, что человека талантливого нужно морально поддерживать талантливо. У меня уже продолжительный стаж небезуспешной научной работы, за мной не тянется шлейфа диссидента или правдоискателя, но я с полной ответственностью констатирую, что по-прежнему есть очевидное ощущение, что кто-то мешает творчески одаренным терминологам.

Теперь вернусь к научной отрасли, которая называется **терминоведение**, чтобы вначале вспомнить, как в этой сфере наша страна была безусловным лидером, а пришла к тому, что мы вновь выписываем специалистов по терминоведению из-за рубежа для просвещения наших заинтересованных лиц, чтобы мы, бывшие лидеры, могли с Европой как-то

сотрудничать в этой отрасли. Так, осенью в МГУ был гастпрофессор из Австрии, кстати, полностью ученик советского терминоведения, который просвещал студентов и преподавателей МГУ в вопросах терминоведения, отставшего от Европы на долгие годы (!). А ведь со временем это так и будет. Но по-прежнему иногда мучает банальная мысль, что неплохо бы сохранить интеллект и у собственной нации.

Терминоведение, начавшее свое триумфальное шествие одновременно в Австрии, Германии и Советском Союзе в 1931 году, выросло в научно-философскую дисциплину, занимающуюся изучением процессов становления, взращивания и образования научного мышления и научного сообщества, т.е. способами воспитания результативного научного работника. Думаю, что эта задача — весьма актуальна для современной России. Особенно важно подчеркнуть, что терминоведение, многими воспринимаемое как баловство с терминами, формирует у человека фундаментальные основы научного мышления и управляет процессами трансформации бытового мышления в мышление научное, т.е. охватывает своей креативностью и проблематикой все специальности и профессии. Не случайно недавно созданная Комиссия по терминоведению Международного комитета славистов девизом своей деятельности объявила постулат «Кто владеет терминологией, тот владеет цивилизацией».

Стоит вспомнить, что наиболее методологическая сфера научных процессов — философия науки, отстоящая от нас на 200 лет и заключенная в трудах В. Уэвелля (1794—1866) и Дж. Ст. Милля (1806—1873), начинала с тончайших наблюдений над терминологией. В многочисленных курсах по истории и философии науки для студентов и аспирантов современных российских вузов этот раздел развития человеческой мысли в его современной интерпретации в категориях терминоведения полностью отсутствует.

Определяя язык как универсальную среду бытия человека, философы

науки смотрели и на профессиональную мысль как на субстанцию, формирующуюся в языке. Для активизации научного мышления во многих случаях не требуется освоения гигантских массивов текстов, нужна антология, т.е. хрестоматия, золотого фонда человеческой мысли — в нашем случае терминоведческой мысли. Я приведу несколько тончайших высказываний философов науки, которые были путеводными регулятивами для многих поколений терминологов, а теперь, похоже, покоящихся только в моей хрестоматии по истории терминоведения.

«Большая часть читателей вероятно держится того убеждения, что всякий писатель должен довольствоваться употреблением обыкновенных слов в их общепринятом значении, и чувствуют отвращение к техническим терминам и произвольным правилам фразеологии, как к педантизму и напрасной путанице. Однако кто только возьмется за улучшение какого-нибудь отдела науки, тот сейчас же увидит, что без технических терминов и твердых правил не может быть надежного или прогрессивного знания. Неопределенный и детский смысл обыкновенного языка не может обозначать предметов с твердою точностью, необходимой при научном исследовании, и возводить их от одной ступени обобщения к другой. Для этой цели может служить только крепкий механизм научной фразеологии... Когда изучающий ботанику научится думать на ботаническом языке, то ему не покажется ненужным отличием, когда ему скажут, что *кисть* не есть *гроздь*, т.е. *thyrus* отличен от *racemus*; тогда он сам почувствует, что терминология ботаники есть полезное орудие, а не напрасное бремя», — писал Уэвелль.

У А. Пуанкаре (1854—1912) читаем: «Вся творческая деятельность ученого по отношению к факту исчерпывается высказыванием, которым он выражает этот факт... Вот объект, о котором ничего нельзя было сказать, пока он не был окрещен; достаточно было дать ему имя, чтобы произошло чудо. Каким образом это происходит? Это происходит потому, что, давая ему имя, мы тем самым неявно утверждаем, что объект существует (т.е. свободен

от всех противоречий) и что он полностью определен».

Немецкий профессор Л. Ольшки (1885—1961) так оценивает заслуги Бруно: «У Бруно совершенно нет новообразованного или целесообразно нюансированного термина, который обозначал бы новое философское сознание или остроумно резюмировал бы какую-нибудь теорию... Одинаково нецелесообразно как искать у него терминологических новообразований, так и задним числом создавать их для объяснения его теории... Большая часть этих слов, а равным образом и многие другие, обретшие снова благодаря одной только орфографии свой латинский характер, не имели целью ни новых оттенков в значении слова, ни нового этимологического воскрешения его». Вывод Ольшки: ученые «только в том случае являются действительными новаторами, если они обогатили науку новыми понятиями и язык новыми словами».

В то время как современные аспиранты, т.е. начинающие ученые, в большинстве своем, не имеют ни малейшего представления о роли терминологии в науке и методах работы с ней, с 30-х годов по 80-е годы работу в области терминологии направляли ведущие ученые СССР академики Н.Я. Марр, С.А. Чаплыгин, В.С. Кулебакин, А.М. Терпигорев, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, Ю.В. Рождественский, которые были, без сомнения, терминологически образованными людьми. В настоящее время я не знаю ни одного академика, который занимался бы проблемами терминоведения. Это наводит на мысль, что традиция быть передовой страной в области терминоведения уже нарушилась.

Я как историк терминоведения, с сожалением это констатирую. В 1993 году Международный институт терминоведения издал хрестоматию по истории терминоведения, работы советских терминологов занимают в этой хрестоматии 50 процентов объема книги. Западные терминологи выросли на фундаментальных работах Советской терминологической школы. И именно в это же время работа в терминологических институтах России замирает. А

начиная с 1994 года с терминологами в России стали происходить мистические вещи. Созданное для поддержания и сохранения научного наследия по терминоведению Российское терминологическое общество как общественная организация, не требовавшая, по уставу, никаких государственных затрат, закрывается как нецелесообразная решением ученого совета в МГУ. Общественный кабинет терминоведения, выпестованный академиком Ю.В. Рождественским на филологическом факультете МГУ, а также его воспитательно-терминологические проекты в Академии образования тихо прекратили свое существование без всяких приказов.

В конечном итоге даже две и единственные государственные организации в области терминоведения — Комитет научной терминологии Российской академии наук и Всероссийский научно-исследовательский институт классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству, известный более как ВНИИКИ Госстандарта, оказались закрытыми, причем уже в середине двухтысячных годов. Недавно учрежденный на общественных началах Терминологический центр в Институте русского языка в составе одного терминолога дела не спасает. Кстати, любая страна, вступающая в ЕС, должна иметь в своей стране комитет терминологии. Так, в прибалтийских странах, несмотря на малочисленность их населения, в каждой стране комитет терминологии насчитывает не менее десяти человек.

Когда я дискутирую по изложенным проблемам с моими коллегами, то обычно слышу, что по терминоведению в вузах пишутся дипломы, диссертации, даже сборники трудов выпускаются. Это, действительно, так. Но проблема состоит в том, что отсутствие общетерминоведческого фона в стране и регулярного терминологического образования ведет к тому, что качество этих работ и уровень терминоведческой мысли в них отстает от цивилизационных процессов на многие десятилетия. Доходит уже до

курьезов, когда основатель Советской терминологической школы Д.С. Лотте, ушедший от нас в 1950 году, цитируется в учебнике для вузов как современный исследователь.

Теоретическая неподготовленность в области терминоведения имеет прямые отрицательные проекции в прикладное терминоведение. Более всего страдает преподавание лингвистических дисциплин, т.е. так называемая профессиональная лингводидактика. Особенно это показательно в преподавании иностранных языков. По-прежнему имеет место быть требование филологического обучения иностранному языку на неязыковых факультетах. Создается иногда такое впечатление, что некоторые руководители кафедр иностранных языков и не предполагают, что в цивилизованном мире уже более века преподаются языки для специальных целей, а не особенности восприятия литературной классики на иностранном языке будущими конструкторами межпланетных станций и всемирных информационных сетей.

Аналогичная ситуация в прикладной терминографии, т.е. в создании таких продуктов терминоведения, как терминологические словари, энциклопедии, базы знаний и под. Большинство словарей не выдерживают никакой критики. При этом два (и единственных) ведущих отечественных специалиста-терминографа проживают за рубежом.

Теперь некоторые мои футуральные рассуждения в направлении от недалекого прошлого. Как я уже сказал, с 1993 года функционирование терминоведения в России поддерживало в основном Российское терминологическое общество, организуя международные конференции, публикуя соответствующие журналы и книги по терминоведению и проводя значительные мероприятия по моральной поддержке терминологов.

Однако без соответствующих государственных структур эта работа носит весьма имажинарный характер. Так, в ЕС с 1994 года ведется обучение и выдача дипломов о высшем образовании по специальности

«Терминолог», тем самым все действия и мероприятия европейских структур и общественных организаций оказываются в совершенно ином научно-образовательном контексте, в который наша страна, как бы ни стремилось к этому Российское терминологическое общество, не может войти и тем более адекватно позиционировать Россию на мировой арене согласно требованиям международного сообщества. В 2001 году европейскими странами принята «Брюссельская декларация о сотрудничестве в области терминологии», в которой прописаны основные требования к ведению терминологических исследований в условиях глобализационных процессов в мире.

Я не знаю, кто занимается уравниванием специальностей высшего образования по Болонскому процессу, но без введения специальности «Терминоведение» в высшей школе уровень научного мышления наших специалистов Европа 'нострифицировать' не будет. При этом отмечу, что в принципе учебный план вузов позволит преподавать терминоведение и как лингвистическую, и как общенаучную дисциплину вообще без каких-либо значительных изменений плана.

Что касается учебных материалов, то литературой мы обеспечены во многих отношениях лучше, чем наши зарубежные коллеги, благодаря успешной истории нашей терминологической школы. Актуальные же прикладные исследования придется наверстывать, думаю, это пока еще не поздно.

И коль скоро сюжетом моего доклада является помимо приоритетности нашей страны в области терминоведения морально-психологическая поддержка отечественных терминологов, я закончу свое выступление вот каким моментом. В 2005 году Австрийский комитет ЮНЕСКО наградил меня медалью за выдающиеся достижения в области терминоведения, а где ЮНЕСКО находится в Москве, я даже и не предполагаю.